

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-56–92

ЖЕРТВЕННИКИ ДЛЯ ВОЗЛИЯНИЙ ХТОНИЧЕСКИМ БОЖЕСТВАМ БОСПОРА И ФРАКИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Н.И. Винокуров¹, С.М. Крыкин²

¹*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия*
vinokurovnl@list.ru

²*Независимый исследователь, Москва, Россия*
smkrykin@mail.ru

Аннотация. На западной границе античного Боспора открыты странные жертвенники. Либации – бескровные приношения божествам земли и подземелья. Для этого явно использовалось вино и в большом объеме. Античное население пило много вина, даже рабы. Вино составляло часть содержания наемных воинов. Жертвенники на городище Артезиан построили, вероятно, такие воины. Поиск вероятных аналогий привел на запад Фракии. Там в римскую эпоху тоже сооружали жертвенники для либаций. Возможно, их строили потомки коренного населения этих земель – представители фракийских племен. Очень похоже, что городище Артезиан (Пароста?) появилось на месте военных поселений наемных воинов и их потомков. Жертвенники относятся ко времени, когда в составе населения там определенно присутствовали фракийцы – поначалу особая разновидность пехоты. Можно думать о фракийском влиянии. Но это не более чем предположение. Вино для жертвоприношений могло быть и местным. Именно во время сооружения жертвенников на Боспоре производили очень много вина, оно было дешевым.

Ключевые слова: Фракия, Боспор, вино, жертвенники, либации

Античное городище Артезиан, расположенное в 20 км от Керчи, планомерно раскапывается ААЭ четвертое десятилетие, исследованные площади приближаются к 7 тыс. кв.м, что делает данный памятник одним из самых изученных в Крымском Приазовье (рис. 1–2). Здесь наиболее ярким открытием последнего десятилетия было обнаружение слоя катастрофического пожара времени начала боспоро-римской войны 44/45–49 гг. (Тас. Ann. XII. 15–21)¹. В результате другие, менее яркие находки отступили на второй план. Тем не менее, и они достойны специального рассмотрения.

Данные об авторах: Винокуров Николай Игоревич – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Московского педагогического государственного университета; Крыкин Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь.

¹ См. Винокуров 2004, 79–88; 2005, 50–60; 2007а, 17–56; 2007б, 190–199; 2008, 67–77; 2009, 9–16; 2010а, 38–44; 2010б, 46–65; 2012; 2013, 30–40; 2014, 98–105; Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2012, 93–146; Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2014, 5–16; Abramzon, Treister, Vinokurov 2012, 207–278; Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 134–162; Винокуров, Крыкин 2017, 170–194.

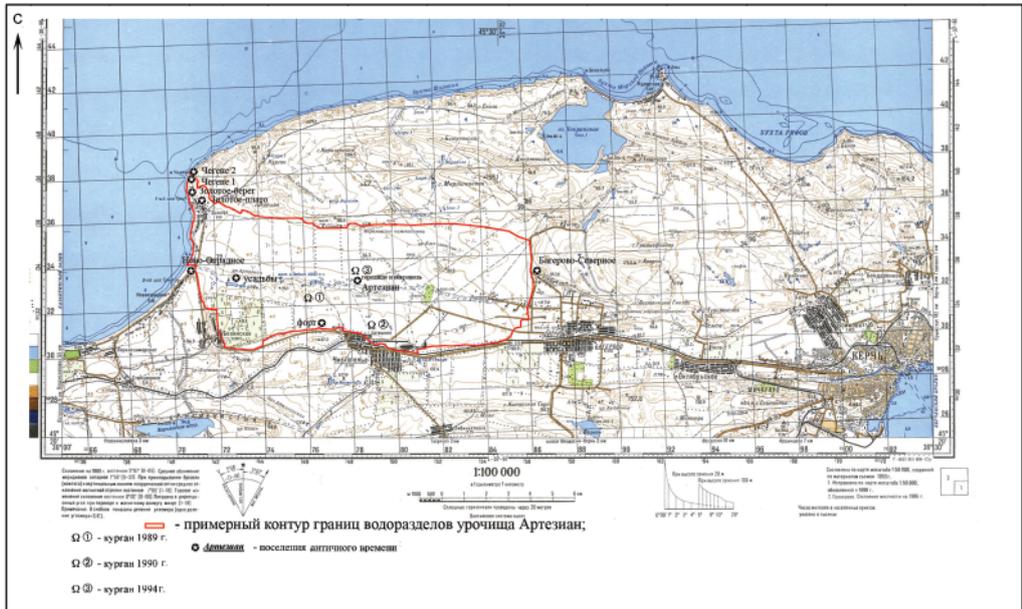

Рис. 1.

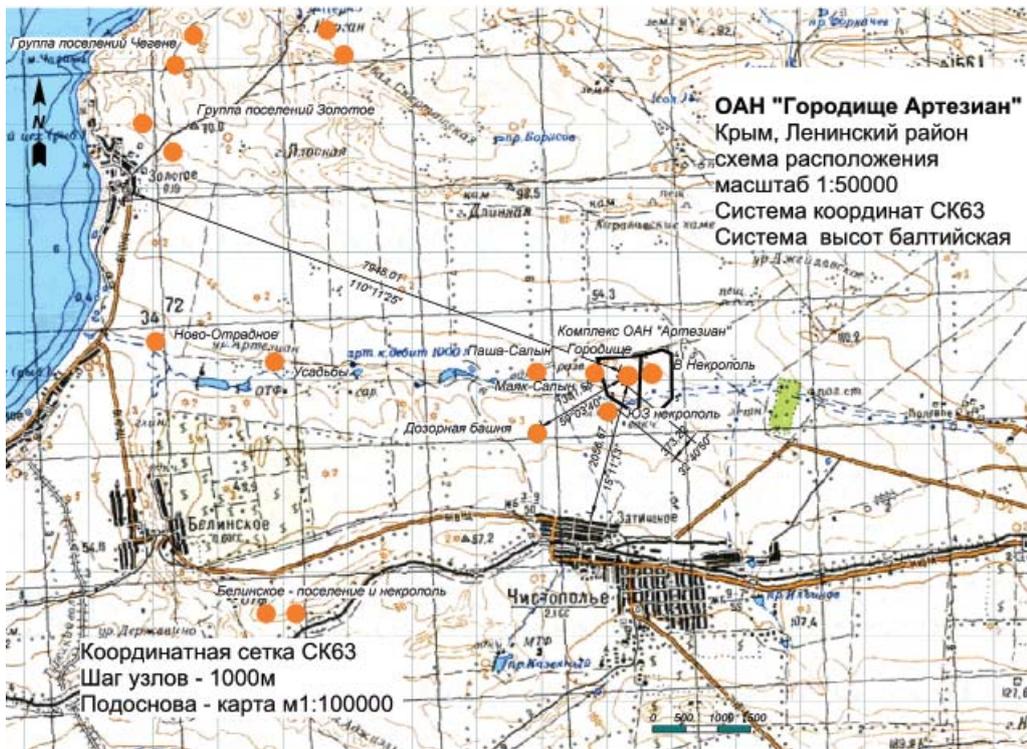

Рис. 1–2. Памятники урочища Артезиан, исследованные ААЭ 1988–2018 гг.

Рис. 3. Месторасположение жертвенников 1–3 северо-восточнее ранней цитадели

В последние раскопочные сезоны были зафиксированы любопытные свидетельства религиозной поминальной практики античной эпохи: следы так называемых культовых либаций. Они раскопаны в центральной, самой возвышенной части городища в ходе исследования пространства между оборонительным рвом и крепостными стенами ранней цитадели, где ранее неоднократно находили жертвенные комплексы античного и средневекового времени, в том числе связанные с человеческими жертвоприношениями и ритуальным каннибализмом². Этот участок памятника на месте стыка раскопов I и III сильно поврежден при постройке фортификационных сооружений акрополя городища в период после 63 г. до н.э. (рис. 3–4). Его понимание сильно затруднено, тем более что природная возвышенность, заселенная еще с эпохи неолита-бронзового века, в эпоху эллинизма была террасирована, а впоследствии многократно подвергалось планировкам в ходе перестроек крепостных стен и башен, что также сильно осложнило выявление убедительного археологического контекста открытых в 2017–2018 гг. новых жертвенных комплексов 1–3, фрагментарно уцелевших между фундаментами стен и колодцев ранней и поздней цитадели городища³.

Жертвенные комплексы были заглублены в культурные отложения насыпей террас, которые предшествовали сооружению стен ранней цитадели (рис. 3–5). Террасы, как было установлено ранее, следовали широкими уступами вниз по

² Винокуров 2004, 55–87

³ Винокуров 2018, 89.

Рис. 4. 1–2. Насыпь террас северной прирезки раскопа III, прорезанных ямами первой половины I в. н. э. и позднеантичными ямами. В ходе работ 2018 г. Месторасположение жертвенника 3/2018 и жертвенника 1/2017 указано вертикальными стрелочками. Вид с северо-востока и северо-запада

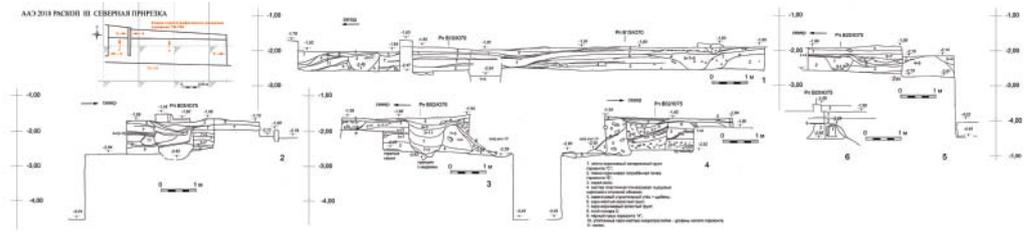

Рис. 5. Стратиграфия культурных напластований насыпи террас эпохи эллинизма-рубежа н.э. севернее ТВ-194 ранней цитадели, прорезанных ямами полуподвала 4 первой половины I в. н. э.

1. по линии Запад-Восток Рп Ю74,1/В02-В20;
2. бровки 1 по линии Юг-Север Рп;
3. бровки 2 по линии Север-Юг Рп;
4. бровки 2 по линии Юг-Север Рп;
5. бровки 3 по линии Север-юг;
6. жертвенник 1/2017 IV-III вв. в борту ямы пифоса 8 2016 г.

склону возвышенности на юг, по направлению к южной балке. Их насыпи сохранились локально, небольшими по площади участками. В 2015–2018 гг. террасы доследовались на площади в пределах 120 кв. м в пространстве между ТВ-186 и фундаментом стены поздней цитадели 68, а также на площади около 100 кв. м севернее ТВ-194. Террасы состояли из золистых, глинисто-золистых и чистых глинистых прослоек общей мощностью 0,45–0,92 м, которые залегали с небольшим наклоном к югу и востоку, реже – практически горизонтально (отметки: –199–240). Эти прослойки хорошо видны в вертикальных срезах грунта, которые сохранились между и под фундаментами поздних построек, в бортах хозяйственных ям, внешних бортах траншей выборок крепостных стен 186 и 194 ранней цитадели, южном борту раскопа III (рис. 5).

На уровне древнего почвенного горизонта «В» в нижнем ярусе террас, спланированном на рубеже нашей эры, выявлены два эллинистических объекта, которые не пострадали при устройстве террас: жертвенник 1/2017 и жертвенник 3/2018 IV в. до н.э. (рис. 3). Они были впущены с уровня древнего почвенного горизонта – тонкой (в 1–3 см) коричнево-черной гумусной прослойки – в материковый желтый грунт горизонта «С». Поверх последних отложились глинисто-щебенистые напластования террас времени Митридата VI Евпатора (120–63 гг. до н.э.) и последних десятилетий I в. до н.э., которые хорошо датированы понтийским и боспорским нумизматическим материалом. Наиболее поздние монеты, найденные в средних напластованиях террас, по всей видимости, предшествующие или синхронные времени сооружения ранней цитадели городища, датируются медными боспорскими монетами Асандра, Кесарии и Агриппии.

Жертвенник 1/2017 открыт в размытом дождем северо-западном борту пифосной ямы 8 хранилища 4, в квадрате Ки3/3, на 0,96 м южнее рпВ20/ю75 (рис. 3–7). Он представлял собой горло амфоры гераклейского производства IV в. до н.э.⁴,

⁴ Зеест 1960, 43.

Рис. 6. 1–2. Эллинистический жертвенник в борту ямы из-под пифоса 8 2016 г. хранилища 4 I в. с юго-востока. Северная прирезка раскопа III 2017 г.

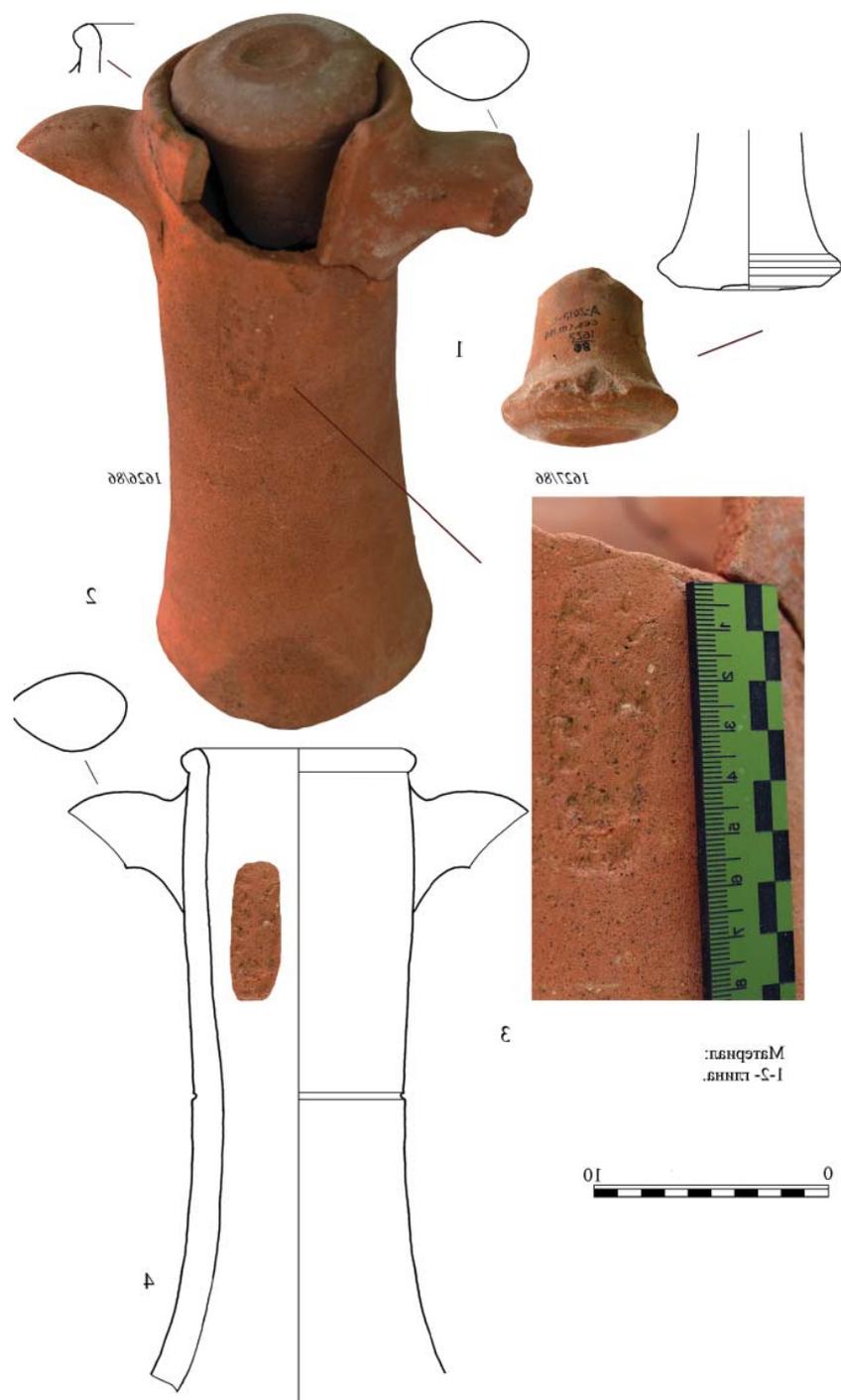

Рис. 7. Находки из северо-западного борта пифосной ямы 8 хранилища 4 севернее ранней цитадели (отметки $-2,24$ – $-2,66$). Северная прирезка раскопа III 2017 г.

устье которой плотно закрывала перевернутая основанием вверх ножка амфоры Менды (к. о. 86/2017). Под верхним прилепом ручек на горле амфоры имелось плохо читаемое вертикальное двухстрочное клеймо в овальной рамке:

Απολλώνιος
Δαματρι гроздь

По определению Н.Ф. Федосеева, магистрат Даматрий принадлежит к IV Б группе и датируется 340–ми гг. до н.э. Ножка амфоры Менды, использованная в качестве пробки, была намеренно так глубоко вбита или втоптана в горло амфоры, что ее венчик лопнул на несколько частей. Впрочем, первоначальная форма горловины сосуда сохранилась, так как окружающий плотный грунт не дал обломкам сместиться.

Похожий жертвенник 3 обнаружен в 2018 г. на 0,62 м северо-восточнее жертвенника 1/2017[2] IV–III вв. до н.э., на близкой к нему глубине (рис. 3–4, 8–9). Он расчищен в процессе исследования насыпи террас, в квадрате Ки2/4, на 0,38 м юго-западнее рпВ20/ю75. Жертвенник представлял собой тоже горло амфоры гераклейского производства IV в. до н.э.⁵, устье которого плотно закрывала перевернутая вверх основанием ножка опять же амфоры Менды (к. о. 97/2018). На уровне прилепа ручек по средней линии горла оттиснуто хорошо читаемое крестовидное клеймо: Θ|ε|δ|ε – с изображением амфоры. Клеймо перевернуто. По определению А.Б. Колесникова, его можно датировать 370–ми гг. до н.э. Ножка амфоры Менды плотно закрывала горло. Как и в жертвеннике 1, она выполняла функцию пробки и была с большой силой вбита (втоптана?) в горловину, что привело к растрескиванию стенок амфоры. Впрочем, форму горло не потеряло, так как его поддерживал окружающий грунт. Сколы на горле амфоры сильно обкатаны.

Горловины амфор в жертвенниках 1 и 3 использовались, по-видимому, в качестве труб для (многократных?) возлияний хтоническим божествам. Они были вкопаны строго вертикально, на глубину до 0,40 м в небольшие ямы (отметки верха жертвенника 1 –2,24, низа –2,48, верха жертвенника 3 –2,11, низа –2,35). В первом случае яма была грушевидной формы, а горло амфоры находилось на 0,06–0,07 м выше ее дна⁶. Во втором – яма оказалась в разрезе цилиндрической, диаметром 0,43/0,46 м, глубиной около 0,35 м. Внутреннее пространство амфорных горловин заполнял легкий сыпучий серый золистый грунт, не содержащий находок. Его промывка с целью поиска палеокарпологического материала результатов не дала ни в прошлом, ни в отчетном сезоне. Контуры ям, в которые были установлены горла, едва читались. Ямы засыпаны очень плотным глинистым грунтом желто-коричневого цвета. Если яма жертвенника 1, открытая в 2017 г., была без находок, то в яме жертвенника 3 2018 г. найдены два небольших обломка черепицы: от желобчатого калиптера и солена коричневой глины (п. о. 2195–2196/2018), – попавшие туда в ходе устройства культового места. Верх ям срезан при устройстве террасы в I в. н.э.

Между жертвенниками 1 и 3 находилось пятно прокаленного грунта, зафиксированное в 2017 г., красно-коричневого цвета, размером около 0,30 x 0,40 м, расположенное сразу под древним почвенным горизонтом (фиксировалось от от

⁵ Зеест 1960, 43.

⁶ Отчет ААЭ 2017 г. Рис. 13.6, 17.

Рис. 8. 1–3. Жертвенник 3/2018 в кв. Ки2/4 в процессе расчистки. Вид с востока, севера и юга. Городище Артезиан. 2018 г. Ленинский район РК

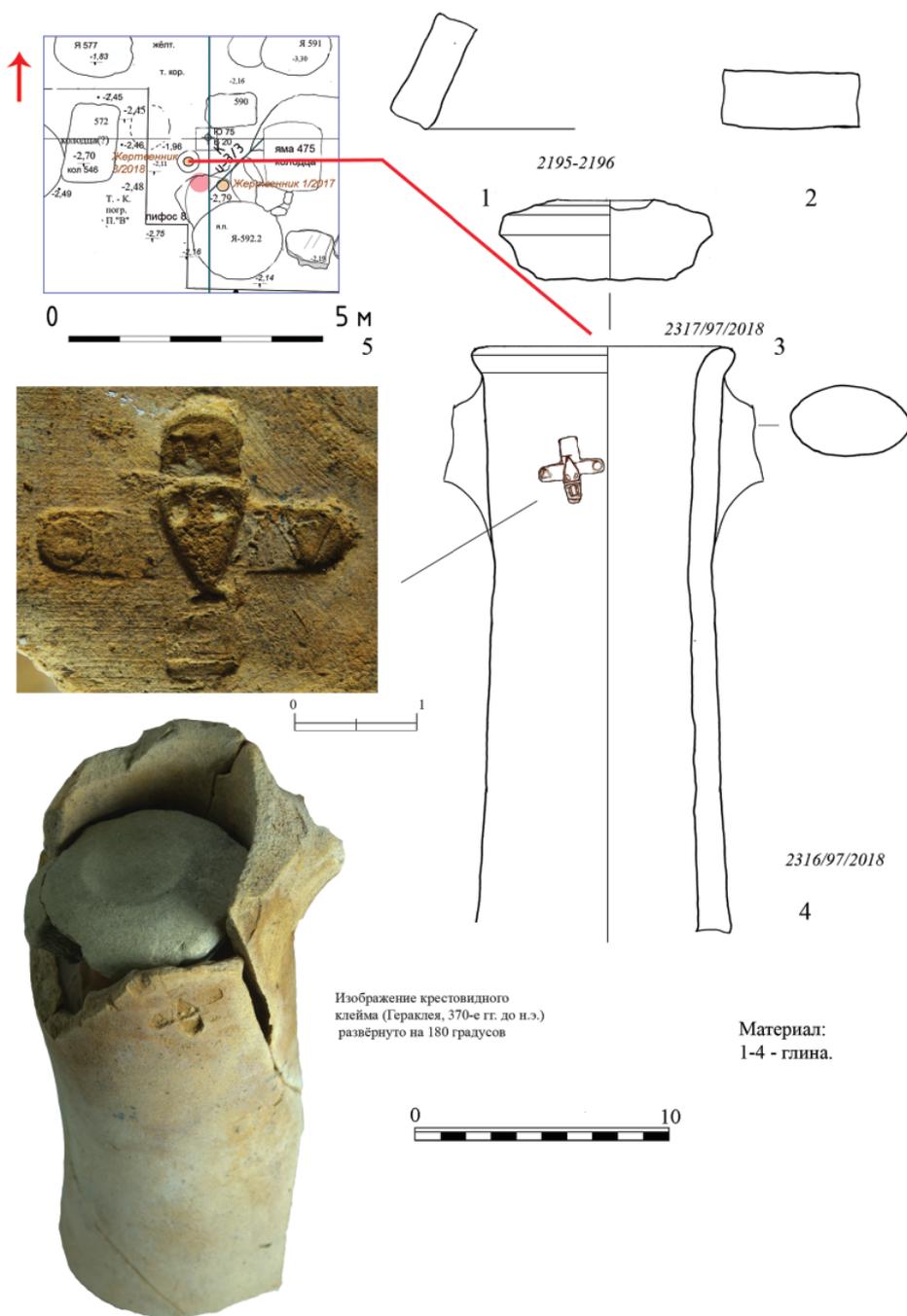

Рис. 9. 1–3. Находки из ямы жертвенника 3/2018 (отметки $-2,11/-2,35$); 4 – клеймо (развёрнуто на 180 град.); 5 – место обнаружения объекта. Северная прирезка раскопа III 2018 г. Городище Артезиан. Ленинский район РК

метки $-2,12$). Толщина прокала до $0,20$ м. Связь его со временем бытования жертвенников вполне допустима, так как стратиграфически они находились в одном горизонте (рис. 3–5).

Кроме того, в одном горизонте с жертвенниками залегала яма 590. Она открыта севернее жертвенника 1 на $0,90$ м и северо-западнее жертвенника 3 на $0,60$ м. Ее прямоугольная устье ($0,64 \times 0,61$ м) со скругленными углами зафиксировано в кв. Ки3/1 на отметке $-2,16$ (рис. 3). В разрезе она имела трапецевидную форму. Немного вогнутые борта ямы едва заметно сужались книзу, дно ровное (на отметке $-2,92$). Глубина ямы $-0,76$ м. Она заполнена коричнево-желтым плотным суглинком с золистыми линзами и известковой крошкой. В яме найдено несколько обломков черепицы и стенок античных амфор, мелкие фрагменты стенок простых гончарных кувшинов и мисок из коричневой и красной глины, отдельные кости животных со следами кухонной разделки и термической обработки, угли. Подобная по форме яма была открыта в 1989 г. на раскопе I в жертвенном комплексе I в. до н.э. с выложенной камнем фависсой, находившейся в центре зольника, образованного мощным сбросом, интенсивного черного цвета с семенами карликовой мягкой пшеницы, ячменя с заметным преобладанием семян двух видов технической масличной культуры сафлора (определение Е.Ю. Лебедевой).

Судя по датировке клейм, амфорные горла были вторично использованы для религиозных нужд не ранее 340-х гг. до н.э. При этом фаллическая функция ножек амфор, вставленных и вбитых в горла (символические женские ипостаси?),

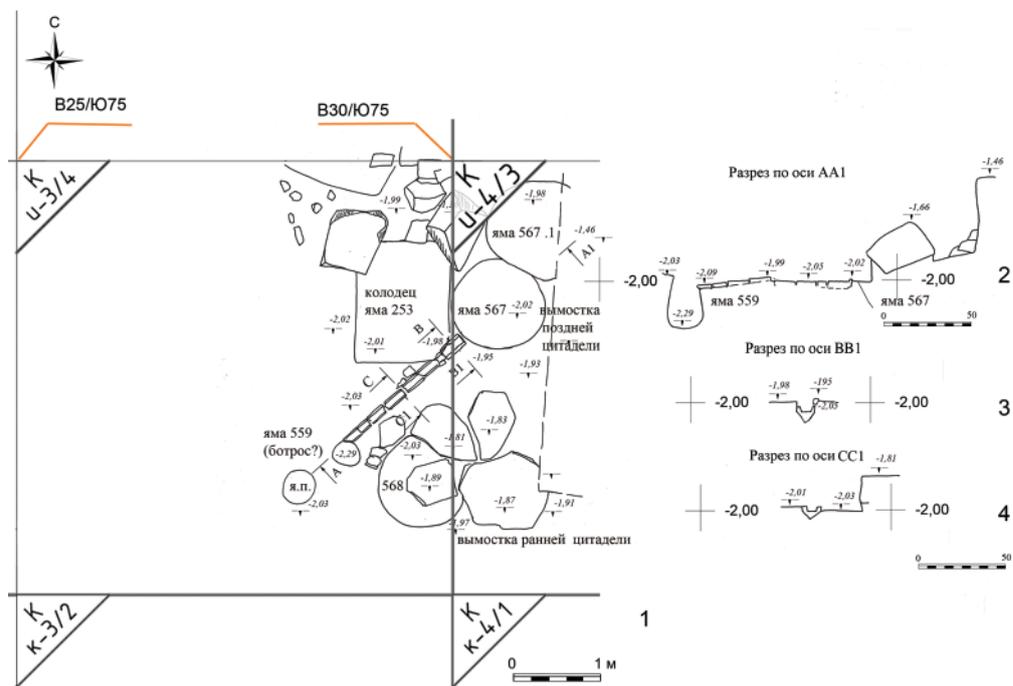

Рис. 10. ААЭ 2017 РАСКОП III СЕВЕРНАЯ ПРИРЕЗКА

1 – Выкадровка из плана участка северной прирезки со сливом в грунтовую яму 559 (ботрос?) северо-восточнее ранней цитадели; 2–4. Разрезы стока по осям АА1, ВВ1, СС1

вполне очевидна и могла быть связана с представлениями о производящих силах природы. Не исключено, что и растрескивание горловин в обряде было необходимым ритуальным действием.

Такие подземные жертвенники-алтари со сквозными отверстиями предназначались для стока жертвенной крови и других возлияний в землю. Они были связаны с хтоническими культами. Традиция использования подобных жертвенных комплексов была присуща грекам по меньшей мере с крито-микенского времени. Так, в Пилосском дворце в непосредственной близости от царского трона находился комплекс приспособлений сакрального характера с системой отверстий и желобков для культовых возлияний⁷.

Подобная находка была сделана также и на некрополе городища Артезиан: на раскопе 9 в слое переотложенного могилами первого века нашей эры селища было найдено клейменое горло без венца гераклейской эллинистической амфоры (к. о. 12/2003), закупоренное ножкой амфоры, напоминавшей тип псевдо-Фасос 5 начала IV в. до н.э., возможно, из разрушенного жертвенника⁸. Аналогии таким жертвенникам для возлияний хтоническим богам на Боспоре и в Северном Причерноморье хорошо известны. Такую же функцию выполняли алтари в виде каменных блоков с пробитыми сквозными отверстиями, заглубленные ниже уровня древнего дневного горизонта. На городище Артезиан похожий жертвенник позднеантичного времени с вертикальным отверстием для стока в землю был найден в 1994 г. в нескольких десятках метрах к северу от них (первоначально интерпретирован как пяточный камень для установки опорного столба калитки или небольших ворот, а не алтарь⁹). Он представлял собой прямоугольный блок с округлым углублением диаметром 0,20 м, глубиной 0,17 м. Его поверхность грубо околота; размеры 0,82x0,90x0,29 м. Рядом с ним находилась вертикально установленная плита 0,45x0,50x0,13 м. Верхняя часть блока с отверстием располагалась на одном уровне с подошвой стены 20, ниже уровня жилого горизонта I в. до н.э. – I в. н.э.

Интересно, что северо-восточнее, в непосредственной близости от жертвенников 1 и 3 в кв. Ки3/4 на 8,58 м (на отметках –1,96 –2,01) был открыт более поздний жертвенный комплекс 2/2017 рубежа н.э., который относился уже ко времени бытования ранней цитадели (рис. 3, 10). Он также предназначался для совершения жертвенных возлияний хтоническим богам, но имел иное устройство, включая желоб, поврежденный сейсмическими подвижками грунта и поздними ямами, и грунтовую яму-ботрос (рис. 11–12).

Желоб для стока жертвенных возлияний был направлен на юго-запад, где располагался приемник для сбора жидкости, стекавшей с несохранившегося алтаря: грушевидная яма 559, которую можно интерпретировать как ботрос. Яма была смещена со средней линии желоба к юго-востоку. Ее размер: сечение округлого в плане устья – 0,33–0,35 м, глубина – 0,20–0,26 м (дно на отметке –2,29); диаметр вогнутого дна – 0,41 м. Она выкопана в плотной желто-коричневой насыпи террасы, содержащей среди включений бутовый камень, щебень, известковую крошку, отдельные обломки стенок амфор и простых гончарных сосудов. Устье ямы находилось на несколько сантиметров ниже уровня стока. Крайний южный калиптер

⁷ Бартошек 1991, 207, 209.

⁸ Монахов 2003, табл. 56,6; Винокуров 2014, рис. 31.3–4.

⁹ Согласно отчету ААЭ 1994 г., 2, рис. 1.2, 1.26.

Рис. 11. 1–2 – Желоб слива в яму 559 (ботрос?) севернее вымостки и котлована для установки пифосов. Вид с северо-запада

Рис. 12. 1. Участок западнее вымостки и жёлоба в процессе снятия зольных напластований; 2. После выборочного удаления заполнения ямных пятен ниже зольных сбросов (отметки $-1,95$ – $-2,29$). Северная прирезка раскопа III 2017 г. Вид с востока

желоба нависал над ее краем. Внутри яма заполнена влажным рыхлым серо-коричневым золистым грунтом с щебнем, мелкими обломками гончарных стенок и калиптеров местной красно-коричневой глины, фрагментами костей животных. Алтарь располагался с северо-восточной стороны желоба, но участок здесь оказался поврежденным серией ям из-под пифосов первой половины I в. н.э., и его следов обнаружить не удалось.

Обращает на себя внимание необычный характер использования известняковых граненых калиптеров (рис. 11–13). В научной литературе нам не удалось найти близкие аналогии такого вторичного использования калиптеров в святилище или храмовом жертвеннике. Подобная «новация», наверное, вряд ли может быть системой для столь дорогостоящего строительного материала, как каменная черепица. Сложно сказать, имело ли некое религиозное значение то, что калиптеры были развернуты наоборот своему обычному положению, вниз коньковым ребром. Понятно, что по-другому составить сток желоба было просто невозможно. Но символическое значение подобного разворота калиптеров на 180° исключать не следует. По крайней мере, это касается и амфорной пробки в первом жертвеннике, которая также найдена в перевернутом положении. Намеренное опрокидывание или разворачивание предметов, как и их повреждение или разрушение в святилищах или погребениях достаточно традиционны. Такими магическими приемами производилось изменение сущности тех или иных предметов, которые использовались в культовых нуждах. Они должны были изменить свою природу, умереть для прошлой жизни, претерпеть метаморфозу, трансформироваться для грядущего возрождения. Мотив «переворачивания» или «оборачивания» характерен для погребальных верований многих народов¹⁰. Таким способом символизировалось прекращение нормальной, земной жизни индивида, переход его в иное пространственное измерение. В любом случае использование приема «поворота-переворота» исследователями трактуется как демонстрация хтонического характера религиозного действия¹¹.

Следует отметить, что одновременно с жертвенником 2 в пространстве между ранней цитаделью и оборонительным рвом эксплуатировались алтарь 1, открытый в 2015 г. у южной крепостной стены 175, и алтарь 2, находившийся в святилище, раскопанном в 2016 г. в полуподвале 2 восточнее крепостной стены 186. Внутри святилища около алтаря найдены ямы-фависсы со сбросами остатков жертвоприношений, среди которых преобладали черепа и длинные кости быков. В одной из ям было ритуальное захоронение собаки. Хтонический характер святилища вполне очевиден.

В центре древней Фракии близ города Стара Загора болгарские археологи исследовали три архитектурных комплекса виллы у реки Чаталка. На одном из них в местности Ламбата в верхнем слое открыли остатки жилищ с каменными стенами, сложенными насухо (кладка насухо или просто на глине традиционна у коренного фракийского населения), очаги, римские подобию греческих пифосов – долии (dolia), грузы для ткацкого стана и прочее, вероятно, относящееся к IV–V вв. н.э.¹². Интересно, что очаги этих «ткачей» представляли собой площадки, постланные

¹⁰ Косарев 2000, 46 и сл.

¹¹ Сорокина, Сударев 2001, 136.

¹² Николов 1984, 41, илл. 48.

Рис. 13. Известковые калиптеры (к.о. 47/2017) из жёлоба с ботросом северо-восточнее ранней цитадели. Северная прирезка раскопа III 2017 г.

и огражденные черепицей, причем с южной стороны каждого из них неизменно была вертикально вкопана керамическая водопроводная труба. Нечто подобное было обнаружено также во фракийском ареале на сербской территории в районе Костолаца¹³. Несколько таких очагов со следами горения сверху были открыты известным археологом из Перника Венецией Любеновой среди руин оставленного позднеримским населением вероятного ремесленного и культового центра (либо эмпория) близ нынешнего села Арбанас у города Радомир¹⁴ на трассе античного пути из Стоб через Пауталию (нын. Кюстендил) в Сердику (нын. София), минуя Элею¹⁵. Любопытно, что один из очагов соорудили в алтарной части разрушенной раннехристианской церкви, которая была возведена, согласно мнению В. Любеновой, при Константине Великом. Летом 1990 г. одному из авторов статьи довелось побывать в сопровождении В. Любеновой на объекте у с. Арбанас, откуда изобильно поступали ремесленные изделия позднеантичного времени, и убедиться в уникальности открытого памятника.

Получается, что на руины античной культуры во Фракии пришли люди некоей особенной культурной традиции, оформив загадочный предславянский период на Восточных Балканах. То, что это явно не были славяне, не вызывает сомнений. Славянские языческие капища выглядят совершенно иначе¹⁶, при этом на славяноболгарских землях (далеко не сразу и всюду до территорий независимых славянских объединений-славиний добрались тюркоболгары, или, как их иначе называют, «пра- или «протоболгары») такие святилища до сих пор не зафиксированы. Скорее всего, следует предполагать либации реликтового фракийского субстрата, появившегося или селившегося на античных объектах или их руинах.

Между тем еще в 1990 г. советская группа в составе совместной болгаро-советской экспедиции второй сезон раскапывала позднеантичный объект у села Долна Граштица на древней переправе через Стримон (нын. Струма) одного из путей из Пауталии в Сердику¹⁷ (рис. 14). Советскую группу, работавшую в южном секторе памятника, возглавлял один из авторов этой статьи под общим руководством тогдашнего директора Кюстендилского музея (теперь очень известного нумизмата, д.и.н. И. Прокопова). Удалось раскрыть свыше 400 кв. метров культурного слоя мощностью местами до трех метров. Во второй половине III – начале IV в. здесь была отстроена укрепленная вилла (*villarustica*), снабженная, помимо высококачественных и потому довольно тонких стен, также и характерной U-образной башней со стороны Стримона, где неподалеку 70-метровый каменный мост обеспечивал переправу. У самой башни к куртине примыкал мощный хозяйственный комплекс (*parsrustica*) винодельческой направленности – вблизи выращивали огромное количество винограда, и из него производилось в изобилии вино: на пяти давящих площадках (каждая 2,60 x 1,30 м) композитной винодельни ДГр-1 одновременно могли обрабатываться до 5 тонн винограда (что соответствует показателям уровня крупнейших товарных производителей итальянских

¹³ Милошевић 1987, 39.

¹⁴ Найденова 1985, 7–8.

¹⁵ Бурмов 1958, 24.

¹⁶ См. Русанова, Тимошук 1993.

¹⁷ Иванов 1906, 20, 407; Захариев 1963, 276; Дремсизова-Нелчинова, Слокоска 1978, 16, 43, 83; Крыкин 1991, 24–25.

вин типа знаменитой виллы в Боскореале близ Помпей). Рядом с винодавильней располагалась и винница-винохранилище (рис. 14).

В слоях ниже выявленных указанных строительных остатков сначала сотрудник ИА АН СССР А.М. Смирнов в северо-западной части раскопа обнаружил и лично раскрыл очаг-жертвенник 1, а потом на юге раскопа был расчищен и жертвенник 2 (рис. 14–15). Эти находки близ Кюстендила вполне убедительно доказывают их местный, фракийский характер, причем сооружение очагов подобного рода осуществилось еще до начала активного строительства здесь укрепленной

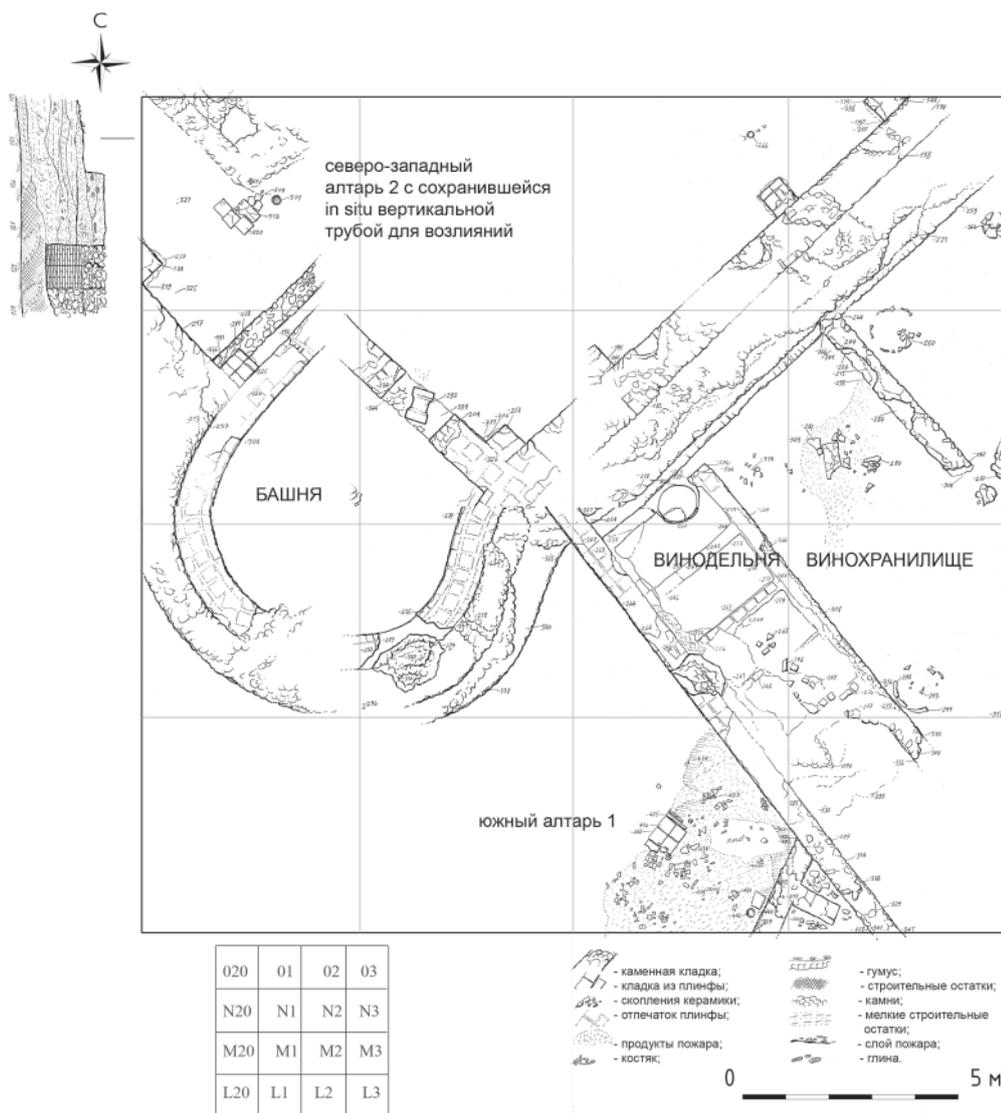

Рис. 14. ДОЛНА ГРАШТИЦА 1990
ПЛАН ЮГ, XIII 11. Участок villa rustica с алтарями, винодельней ДГр-1
и винохранилищем

Рис. 15. 1–2. Жертвенники 1–2 римского времени с юга и юго-запада. Долна Граштица 1990. Фракия

виллы (на базе прежней *villa rustica* по приказу Юстиниана воздвигли для обороны подходов к Пауталии с севера крепость, но это произошло лет двести – двести пятьдесят спустя), т.е. не позднее конца II – первой половины III в. н.э. Оба удовлетворительной сохранности очага были открыты почти на трехметровой глубине возле южной оконечности вероятного фракийского селища, в полутора десятках метров один от другого, причем вне интерьеров строительных остатков. Судя по характеру рельефа местности, очаги располагались практически на одном уровне, они были сооружены одновременно или же очень близко по времени.

Первый северо-западный очаг-жертвенник был сложен из четырех стандартных плинф (0,32 x 0,32 x 0,04 м) и с северо-восточной стороны двух орфостатно поднятых половин плинф, за которыми обнаружился фрагмент вертикально вкопанной трубы для совершения возлияний (рис. 14–15). Поверхность близ очага была уплотнена и содержала признаки большого горелого пятна, а на самой эсхаре были собраны разбитые на месте краснолаковый, декорированный штампованным орнаментом сосуд наподобие найденного в Кюстендиле при раскопках на месте Старой школы¹⁸, традиционная для этих мест серая чашка-канфар (II–IV вв.) с тремя несохранившимися ручками и «курильница» типа обнаруженной в Северо-Западном Причерноморье в античной Тире в слое римского времени (II–III вв.) (рис. 16)¹⁹. Краснолаковый сосуд из Пауталии продатирован II–III вв. А «курильница» мезийского типа из Тире могла относиться только ко времени оккупации города римскими войсками во II – первой половине III в.²⁰, при этом в итоге утвердилось заключение об уничтожении римского гарнизона в Тире готами конкретно в 269/270 г.²¹. Собственно, в Нижней Мезии похожие лаковые сосуды производились во II–III вв.²². Что же касается «курильниц» образца найденной нами, то их производство осуществлялось во второй половине II – начале III в.²³.

На втором очаге-жертвеннике, также предназначенном, помимо сожжений, для совершения возлияний, были открыты крупные фрагменты «серой македонской» («сива македонска») керамики (II–IV вв.) и рядом великолепная ручка бронзового сосуда. Эта эсхара также была построена из плинф и их крупных фрагментов и с северо-восточной стороны снабжена вертикально вкопанной трубой (рис. 15–16). Возле очагов были исследованы остатки строений, сложенных с техническими особенностями II–III вв., в частности, с применением раствора с осколками керамики²⁴: шамот – мелкодробленая керамика придавала присадкой к обычной белой извести большую прочность раствору и устойчивость к осадкам и температурным колебаниям. Такой раствор обеспечивал идеальную спайку для излюбленного римлянами сочетания камня и кирпича – *opus mixtum*, использованного поначалу со II в. до н.э. и позднее унаследованного от римлян византийцами. Позднее, во второй половине III – первой половине IV в. н.э. остатки строений и эсхары оказались под основами комплекса роскошной укрепленной виллы, со-

¹⁸ Mikhailov, Sestrimiska 1981, 66–69.

¹⁹ Карышковский, Клейман 1985, 108, рис. 35.

²⁰ Клейман, Сон 1983, 47–59, рис. 1.

²¹ Крапивина 1984, 201; Карышковский, Клейман 1985, 101, 132. Ср. Буйских 1981, 140–141; Крапивина 1994, 190.

²² Sultov 1985, 76–79.

²³ Sultov 1985, 81, Tabl. XVII; XL, 5; L, 5.

²⁴ Бобчев 1961, 155.

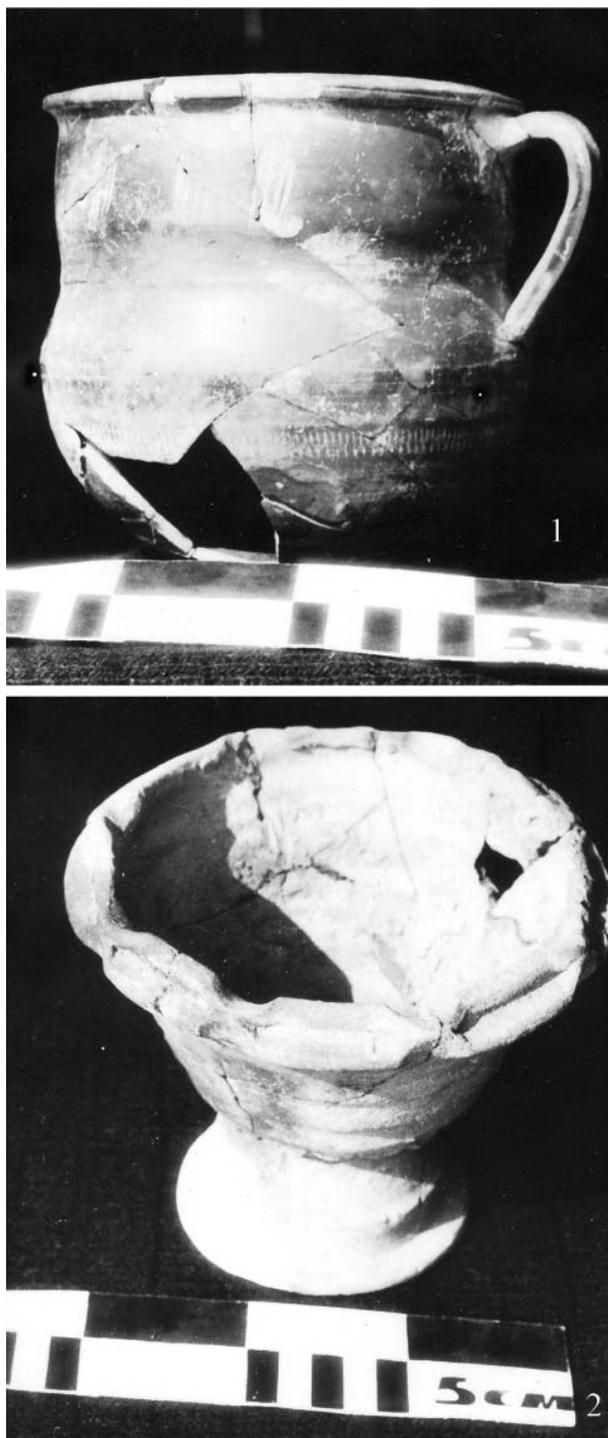

Рис. 16. 1–2. Находки ДГ1990

оруженной также в смешанной технике (*opus mixtum*), популярной на Балканах в III – рубеже VI–VII вв. н.э.²⁵, на розовом растворе с шамотом. Следует добавить, что две плинфы первой эсхары имели повернутые вверх функциональные (для лучшего схватывания раствора?) пальцевые штрихи крест-накрест и параллельно краям, что было характерно, согласно наблюдениям А. Милчева²⁶, для III–IV вв. Впрочем, это не опровергает примерной датировки открытых возле Нижней Граштицы очагов первой половиной III в. н.э.

Было бы опрометчиво находить в последней детали скрытый сакральный смысл, тем более что солярная символика не должна бы соответствовать хтоническому характеру культа домашнего очага, к которому имели непосредственное отношение фракийские эсхары. Согласно заключениям М. Домарадского²⁷, культ домашнего очага и вообще огня относится к числу древнейших, и с эпохи ранней бронзы был известен на обширных территориях от Передней Азии до Центральной Европы. Он выделил в качестве атрибутов культа прежде всего орнаментированные глиняные алтари, или «очаги», затем «коньки» – фигурки с головой (или двумя) животного, плоские сосуды на трех ножках или сосуды на высокой ажурной подставке («курильницы»), намеренно разбитую бытовую посуду и т.д. Таким образом, определять этногеографическую природу какого-либо из типичных проявлений культа домашнего очага совершенно бессмысленно хотя бы уже потому, что сложился этот культ задолго до оформления достаточно определенной этнической карты Евразии. Удивительно похожие атрибуты культа у кельтов и фракийцев IV в. до н.э. явились реминисценциями одного общего древнего культа домашнего очага-эсхары (даже более широкого по распространению, нежели общеиндоевропейский)²⁸.

Если ориентироваться на одну из немногих вышедших у нас крупных археологических работ по индоевропеистике²⁹, то еще до Чатал-Хююка и, вероятно, производной от него европейской культуры Винча были характерны культовые сооружения с монументальным украшенным очагом. Над очагом по традиции на столбе вывешивался букраний, пластический орнамент покрывал плоскости печей, очагов и жертвенников, причем жертвенники украшались лепным декором, метопами с применением вообще распространенных на винчанской керамике криволинейных, спиральных и прямоугольных мотивов³⁰. М. Домарадский³¹ некоторые атрибуты культа домашнего очага отыскал в IV тыс. до н.э. в культурах Куро-Аракской и Лендзел, а В.А. Сафронов пытался доказать преемственность и производность культуры Лендзел от более ранней – Винча. У вероятных индоариев – носителей андроновской культуры – одним из шести типов очагов являлись правильные прямоугольной формы, причем именно такие предположительно имели культовое назначение³², Е.Е. Кузьмина тут же отмечает наличие аналогов культовым круглым и прямоугольным очагам в Древнем Риме, причем квадрат-

²⁵ Бобчев 1961, 195.

²⁶ Милчев 1960, 396.

²⁷ Домарадски 1977, 95–100.

²⁸ Чичикова 1985, 180–195; Любенова 1985, 260–273; Крыкин 1993, 156–161.

²⁹ Сафронов 1989, 92.

³⁰ Сафронов 1989, 75–79.

³¹ Домарадски 1977, 97.

³² Кузьмина 1994, 80–81.

ный очаг у римлян посвящался мужским божествам и предкам. Греческой богине-покровительнице домашнего очага и вообще огня Гестии в Риме соответствовала Веста³³, которой обычно будто бы предназначался круглый очаг для приготовления пищи.

В период между расселением индоариев и эпохой античности великолепные, богато орнаментированные очаги-жертвенники украшали дворцы минойцев и ахейцев, более скромные, известны на территориях Румынии (культура Витенберг) и Украины (Жаботин). Примеру владык Крита и Микен спустя века следовали одрисские цари Фракии, очень похожие атрибуты культа домашнего очага наблюдались у фракийцев, гетов, скифов, кельтов, причем во Фракии Венеция Любенова прослеживает их до рубежа IV–V вв. н.э. Таким образом, эсхары из Нижней Граштицы и прочие фракийские очаги-жертвенники являются памятниками одной очень давней традиции.

В античном Северном Причерноморье каменные алтари прямоугольной формы являлись важной частью культового комплекса V–III вв. до н.э. в Мирмекии³⁴. Очаги-жертвенники, помимо зольников Китея, Илурата и того же Мирмекия, встречались и просто в быту Боспорского царства. В Зеноновом Херсонесе очаги с обгорелыми остатками жертвоприношений открыты в слое V–VI вв. – заключительного периода функционирования городища на мысе Зюк³⁵. В каждом конкретном случае встает вопрос о вероятной интерпретации таких памятников. В Северо-Западном Причерноморье в конце VI – первой половине V в. до н.э. в Ольвии и Никонии функционировали культовые комплексы с эсхарами для почитания хтонических, вероятно, связанных с земледелием божеств³⁶. Фракийцы тоже обращались к горным силам с пожеланием обеспечить плодородие и изобилие. Так, Румяной Георгиевой исследованы фракийские культовые ямы³⁷, и она, аналогично В. Любеновой, приходит к заключению о глубокой связи во фракийском мире хтонических культов мертвых и плодородия, когда на алтаре очищение огнем сопровождалось дарами и жертвоприношениями вкупе с возлияниями³⁸. Принимая эти утверждения, можно попытаться все же истолковать наличие близ алтарей из Нижней Граштицы и Чаталки вертикально вкопанных труб. Вполне возможно, что сущность производившихся на таких эсхарах священнодействий объясняет наблюдение из довоенного исследования Кл. Шеффера об Угарите, воспроизведенное и развитое у И.Ш. Шифмана³⁹: «Значение магической церемонии, приносящей удачу, имеет, в частности, жертвоприношение Анату перед тем, как начать хлопоты о доме для Баалу:

Помести в землю жертву хлебную,
положи во прах мандрагоры;
вылей воздаяние в глубины земли,
спрячь котел в глубину полей.

³³ Штаерман 1987, 234; Тахо-Годи 1987, 299.

³⁴ Виноградов 1992, 110–111.

³⁵ Масленников 1992, 155, 168.

³⁶ Козуб 1976, 124–130; Секерская 1989, 96–98.

³⁷ Георгиева 1991, 1–11; 1999а, 165–183.

³⁸ Георгиева 1999б, 216–232; 1999с, 233–241.

³⁹ Шифман 1987, 99.

Существование такого обряда подтверждается и археологически: при раскопках была найдена глиняная трубка, зарытая в землю в вертикальном положении, через нее совершались возлияния. На разных уровнях в трубке были сделаны отверстия, так что жидкость уходила в землю. У нижнего конца трубки были зарыты котлы и ритоны, содержавшие, несомненно, ритуальные приношения. Связь описываемой церемонии с земледельческими культами очевидна; возможно, что в обычных условиях она совершалась перед началом полевых работ». Конечно же, призрачная аналогия с Ближнего Востока XIII в. до н.э. отнюдь не убеждает в правомерности подобной реконструкции ритуала у фракийцев на своих эсхарах – на Балканах всегда была иная природная среда и свои глубокие традиции, ориентированные не только на специфику культурно-хозяйственного типа. В современной балканистике настойчиво ставился вопрос о выделении фракийских реликтов в болгарской средневековой культуре и некоторых даже в нынешней, то есть речь идет об устойчивом этнокультурном континуитете на землях древней Фракии⁴⁰. Имеется редкое, практически забытое исследование по Македонии знаменитого российского слависта А.М. Селищева с довольно интересными наблюдениями⁴¹. Так, невзирая на запрет еще императора Феодосия (Cod. Theod. XVI. 10. 12) приносить кровавые жертвы, эта «греко-фракийская» традиция продолжилась, причем кровь жертвенных животных у греков даже в XI–XIV вв. выпускали и на землю, и на очаг⁴². Вопреки противодействию православия это продолжалось и потом. По мнению А.М. Селищева, к XVII–XIX вв. среди славян только будто бы у русских, благодаря многовековому соседству с финскими народами, и у болгар, вследствие их близости к фракийцам и грекам, сохранились кровавые жертвоприношения. Для обеспечения плодородия кровь животных спускали на землю, а иногда – на очаг (например, у финнов-вотяков). У древних греков в целях освящения и очищения места погребения на могилы умерших приносили поминальные продукты и резали черных животных, обычай заклания жертв над специальным отверстием отмечен еще Гомером (Od. XI. 33–36). Издавна хтоническим силам в честь героя-покровителя дома кровь черных животных выпускали на землю и очаг для обеспечения благополучия дому, то есть семье и роду. Любопытные моменты обрядов «стопан» (хозяин) или «стопанова гостба» и «наместник»⁴³ в Болгарии истекших столетий, вероятно, воспроизводили магические действия далеких предков: «очаг очищали от пепла, делали в нем отверстие, зажигали огонь и по одной свече по обеим сторонам очага и у дверей; затем старейшая женщина резала жертву – черную курицу, так что вся кровь стекала в отверстие, после чего оно заравнивалось и замазывалось глиной», иначе же «закалывали совершенно черного барана над отверстием (ботросом), выкопанным на правой стороне очага, так что вся кровь стекала в него, после чего в отверстие складывали и внутренности барана, заравнивали и замазывали сверху глиной, а кровью смазывали и противоположную сторону очага; кровью жертвы рисовали кресты в левом углу у очага». В итоге эти, казалось бы, чисто домашние празднества заканчивались поеданием жертвенной пищи почему-то снаружи, вне дома. При анализировании материалов, со-

⁴⁰ Фол 1990, 7–34.

⁴¹ Селищев 1929.

⁴² Селищев 1929, 267; Теодоров 1972, 114.

⁴³ Селищев 1929, 273–275; Теодоров 1972, 107–110.

бранных Е. Теодоровым, вспоминается праздничное жертвоприношение «сбор», которое могло иметь и общественный, и семейно-частный характер, а также обряд «оброк», при котором жертвоприношение и пир осуществлялись непременно вне дома в особом месте – оброчном⁴⁴. Кстати, место для оброка обычно имело деревья, жертвенник и воду, то есть традиционно выбиралось в дубравах и у источников. Замечу, что нижнеграштицкие эсхары открыты у берега старого русла Струмы (гомеровского Стримона), где вблизи и донныне бьют холодные ключи. Они располагались вне интерьеров построек и вполне могли использоваться как жертвенники оброчного места.

Вполне возможно, что это были эсхары автохтонного населения горных балканских районов, связанные с очень архаичным, универсальным для многих народов сельскохозяйственным культом, либо же с поминовением предков⁴⁵.

Вино могло быть ритуальным заменителем крови? «Как кровь оно и весело течет» (Arist. Lys. 205). Вино, которое использовали для совершения возлияний во многих ритуалах, на первый взгляд, является, конечно, жертвой бескровной, но по сути все же она не всегда являлась таковой.

Весьма важно в этой связи напомнить, что отдельные божества допускали только «трезвые» возлияния из медовой сыты, иногда в смеси с молоком и маслом, но не вино. Следует еще указать, что некоторые культы вообще не допускали кровавых жертв. Именно по этой причине на афинском Акрополе, где был жертвенник Всевышнего Зевса, не приносились кровавые жертвы живых существ, нельзя было совершать возлияния вином (Paus. I. 26. 6). Вероятно, в данном случае ассоциативно соединялись кровавые жертвы с возлиянием вина, так как в представлениях древних вино и кровь были тесно связаны в символическом плане⁴⁶. Не будет преувеличением предположение, что вино воспринималось, скорее всего, как обрядовый заменитель крови. Так проявлялся основной в представлении древних действенный закон симпатической магии: подобное рождает подобное и должно заменяться подобным⁴⁷.

Следует думать, что в качестве заместительной жертвы – крови вином – должно было использоваться только красное вино, напоминавшее ее по цвету. По крайней мере, авторам работы ничего не известно о том, что возлияния совершались белым вином. Важно напомнить, что при клятвенных жертвоприношениях использовали чистое вино⁴⁸. Неразбавленное, оно в обряде реально заменило клятву на крови. Ранее же торжественные клятвы нередко сопровождалась возлияниями и кровавыми жертвами. Божество, невидимо присутствующее при совершении жертвы, становилось свидетелем клятвы. Кровью жертвенных животных, в которую клянущиеся обмакивали свое оружие, скреплялись военные договоры (Xen. Anab. II. 2. 9)⁴⁹. Отсюда и доживший до наших дней обычай «братания» кровью или смесью вина с кровью. Интересно, что такое братание было гораздо сильнее родственных связей. Это можно объяснить только тем, что посредством крови и

⁴⁴ Теодоров 1972, 111–113.

⁴⁵ Крыкин 1990, 81–87; 2010, 61–71.

⁴⁶ Meeks 1993, 23 etc.

⁴⁷ Ср. Андреев 1998, 274.

⁴⁸ Латышев 1997, 89.

⁴⁹ Латышев 1997, 70.

вина люди соединялись с божеством в единое неразрывное целое, а мистическая связь такого рода была, конечно, крепче родственных уз.

Анализ мифологических преданий позволил сделать вывод, что предшествовавший Дионису культ Ликурга предполагал возлияния кровью: «... арабийцы на алтарных жирных камнях чтут как бога сына Дрианта– Ликурга, но не возлиянием вина, а крови» (Non. XXI. 157–160).

Умерших предков, героев и почитаемых хтонических богов насыщали возлияниями крови – сути жизни. Только после этого эти потусторонние силы входили в контакт с людьми. По этой причине Улисс, прибыв в царство мертвых, в далекую страну киммерийского мрака, принес там в жертву овец, выпустив их кровь в канаву, а ослабевшие тени, собравшись около нее, жадно поглощали кровь и обрели таким образом силу говорить с ним⁵⁰.

Вероятно, только после торжества дионисова культа и по мере его распространения жертвоприношение кровью во многих винодельческих регионах начало замещаться винными возлияниями. Кровь людей и животных была заменена подобным веществом – вином, даром лозы, происходившей также от крови, но от крови богов – ихора (Non. XII. 293–298). Нонн нередко сравнивал не только вино, но даже виноградный сок с кровью, а в одном месте он прямо указывал: «Крови ручей как вестник свершившегося приношенья на алтаре <...> прообраз далекий возлиянья вином» (Non. IX. 93–94; XII. 203).

Еще у Гомера неоднократно описываются возлияния вином богам: в «Одиссее» – 10 раз, в «Илиаде» – 13 раз⁵¹. Дионисов культ соединил поминки с питьем вина на Анфестериях и ввел обычай возливать вино на могилы, тогда как раньше возлияния состояли исключительно из молока, меда и елея⁵². С этого момента погребальные (поминальные) обряды были неразрывно связаны с вином. В песне XXXVII «Деяний Диониса» описываются игры и погребальные действия на тризне по герою Офельтесу из стана Диониса, павшего в битве с индами. Это описание сохранило массу очень архаичных деталей. Например, ветви для погребального костра срубаются медным инструментом. В жертву умершему соратники принесли отрезанные пряди волос. При погребении, помимо животных (быков, овец, лошадей), совершается массовое человеческое жертвоприношение: двенадцать пленных индов были зарезаны мечом погибшего. Погребальное сооружение для кремации имело высоту сто локтей. В его центре (наверху) положили тело погибшего, вокруг которого выложили тела убитых индов, туши животных. Костер поджигали ближе к ночи. Огонь добывали ударами друг от друга двух камней, по-видимому, кремней – мужского и женского, натертых священной серой. Между ними находился фрагмент эритрейского дерева. Однако огонь загорелся не сразу, а только после того, как Дионис призвал на помощь восточный ветер – Эвр.

Дионис совершал возлияния вместе с кровным сородичем покойного Астерием диктейским вином из двуручного кносского(!) сосуда, наполненного благоуханным вином (амфоры?). Войско утром оросило вином то, что осталось на месте погребального костра. Астерий обернул оставшиеся кости друга в двойной слой жира и поместил их в золотую чашу, которая была захоронена в каменной гроб-

⁵⁰ Фрэзер 1986, 431.

⁵¹ Ловчев 1999, 44.

⁵² Иванов 1994, 120.

нице. На месте погребения поставили стелу с памятной надписью. После этого Дионис для надгробных игр устроил конные ристалища, кулачные бои, борьбу, бега, метание диска, стрельбу из лука, бой на копьях с медными наконечниками (причем воины были одеты в броню, смертельные удары были запрещены) с богатыми наградами (доспехи, кони, треножки, оружие, драгоценности).

По Гомеру, при погребении Патрокла ахейцы костер, в котором совершилась кремация героя, «...угасили багряным вином, поливая пространство все, где пламень ходил». Затем собрали в золотую чашу кости Патрокла, обложив их туком двойным (II. XVIII, XXIII), а при погребении Ахилла кости его после сожжения тела омыли чистым вином, умастили мазью и поместили в золотой сосуд (Od. XXIV).

В хеттской религиозной практике возлияния вином были обычным явлением, за случайный пролив вина, как и за повреждение ритуального хлеба, предназначенного для жертвоприношения(?), следовало серьезное материальное наказание, и место, где это произошло, считалось оскверненным.

Древние египтяне, как свидетельствовал Плутарх в своем трактате «Об Исиде и Осирисе», ранее не совершали возлияния богам вином, так как не было это приятным богам, напротив, вино считали кровью тех, кто некогда воевал с богами; когда они пали и смешались с землей, из них, якобы, произросла лоза. Поэтому пьянство делает людей бешеными и безумными, словно они наполняются кровью предков. Эвдокс Книдский (408–355 гг. до н.э.) утверждал, что именно так об этом рассказывали жрецы. С этим перекликается мифологическая версия Нонна Панополитанского, по которой после битвы с Дионисом кровь погибших индов смешалась с озерной водой, бог сжалился над погибшими и (чтобы пролитая кровь не пропала даром!?) наделил смесь способностью опьянять. Битва с индами примыкала к описанию отжима винограда в давильне. Можно, следовательно, подразумевать под гроздьями винограда самих индов, а значит, истребление их есть «истребление» ягод винограда в давильне (Non. XIX).

Преображенные воды стали веять благоуханием, окрасили берега в темно-красный цвет и показались индам неземным напитком, не дававшим пресыщения у пьющих, но вызывавшим безумство (Non. XIV. 414–430; XIX). Здесь, как и в египетской версии, вино происходит от смешения крови убитых врагов (жертв богу?), правда, не с землей, но водой. Смешивание же земли с человеческой кровью опасно, так как могло повредить плодородие почвы. Поэтому(?) Гея (Земля), почерневшая и разбухшая от крови сыновей своих индов, просила Диониса прекратить избиение, ибо раньше Дионис был плодоносным, ныне стал смертоносным, раньше дарил колос земледельцу, а теперь скашивает индов, как будто жатву совершает, влагой Зевса окроплял и Арею кровь возливал (Non. XXII. 304–314). Итак, здесь сын Зевса – Дионис не только сеятель полбы, но и убийца, который не только управляет плодоносным дождем, но и обильно возливает кровь людей. Вместо плодоносного дождя, благодаря которому стала плодной Эллада, Дионис залил землю индов кровью, став смертоносным (для посевов?). Гидасп также гневался на Диониса за то, что потоки крови индов, пролитой Дионисом в битве, попавшие в море, осквернили владения Посейдона кровавой грязью (XXIV. 18–20). Возможно ли в просьбе Геи и гневе Гидаспа видеть запрет возлияний крови людей

и человеческих жертвоприношений, сказать сложно. Земля, оскверненная кровью и оскорбленная преступлением, не дает семенам прорасти⁵³.

Римляне тоже не сразу стали возливать вино на могилах и алтарях. Правда, Плиний объясняет это не религиозными мотивами, а практичностью древних, которые в течение долгого времени на вино были скупы. Вино было дорогим напитком, поэтому они совершали возлияния богам молоком. Так поступали Ромул и Нума Помпилий, причем последний издал закон, согласно которому запрещалось поливать вином костер (Plin. Hist. Nat. XIV. 88, 90). Следует отметить, что возлияния вином совершали не только Вакху, но Церере, для этого сельская молодежь использовала перебродившее вино и мед, трижды обходила молодые всходы с гимнами богине (Verg. Georg. I, 344–346).

У скифов сначала не было в обычае проливать вино в качестве возлияний, так как это считалось нечестьем по отношению к богу (Luc. Tox., 45). Хотя впоследствии, возможно, под влиянием греческой религиозной идеологии, они начали их совершать. Этому есть археологические свидетельства. Так, в южном дворце Неаполя Скифского был обнаружен культовый комплекс, по-видимому, связанный с почитанием Диониса. В особом помещении находилось несколько козлиных черепов, ориентированных на жертвенное место, около которого выявлены небольшие фависсы. Кроме того, под полом мегарона найден хтонический жертвенник, сооружение которого связывается со смертью хозяина дворца – царя Скилура⁵⁴. Жертвенник представлял собой синопскую амфору II в. до н.э., которая была вертикально установлена в специальной яме за очагом, расположенным в центре мегарона. Ее горло было запечатано деревянной пробкой, а ножка аккуратно отбита. Образовавшееся отверстие примыкало к скале, и вино, постепенно стекая, уходило в землю. Это была жертва не только божеству (Дионису?), но и умершему обожествленному династу, что в принципе соотносится с греческими представлениями о заупокойном культе⁵⁵. Таким образом эллинизированные обитатели дворца приносили жертвы и совершали возлияния душам умерших предков, почитаемым в качестве хтонических божеств⁵⁶.

Фактически амфора в культовом комплексе являлась ботросом и служила для возлияний божествам подземного мира. Подобные сооружения, связываемые с «кормлением» умерших, широко представлены в боспорских курганах, они являлись неотъемлемой частью греческого погребального обряда⁵⁷, как, впрочем, и многих других народов. В Вани (Грузия) археологически прослежены выдолбленные в скале особые каменные ванны небольших размеров, которые ограждались вертикально установленными плитами. Они служили для возлияния крови жертвенных животных при совершении религиозных обрядов⁵⁸. Это подтверждается этнографическими свидетельствами из горных районов Хевсурети и Тушети. При жертвоприношениях подземным богам, героям или душам усопших кровь животного выливалась в яму и таким образом сходила в подземное царство, туша раз-

⁵³ Фрэзер 1986, 52.

⁵⁴ Зайцев 1997, 47.

⁵⁵ Ср. Сапрыкин 1997, 85.

⁵⁶ Сон 1993, 116.

⁵⁷ Кастанаян 1950, 130–131.

⁵⁸ Лордкипанидзе 1978, 21.

резалась на части и сжигалась на жертвеннике, а пепел сбрасывался в ту же яму или зарывался подле нее⁵⁹.

В Восточном Крыму и на западе Фракии открыты культовые жертвенники древних хтонических божеств, близкие разве что типологически. Однако ситуация интересна тем, что в составе населения крепости Пароста (городище Артезиан) вплоть до разгрома ее римлянами в начале римско-боспорской войны 44/45–49 гг. н.э. достоверно зафиксированы потомки фракийских наемников. Массовое появление фракийских пельтастов известно на Боспоре с периода междинастической войны Спартокидов – Сатира и Евмела – Диодор (XX. 22–25) писал о прибытии двух тысяч. Поскольку боспорские цари воспроизводили систему военных поселений-катойкий, одна такая катойкия располагалась в урочище Артезиан в Крымском Приазовье и оформила политевму фракийцев (пришельцев из центра Балкан и их потомков). Фракийский этнокультурный субстрат на Боспоре оказался очень устойчивым и заметным⁶⁰, что, впрочем, не дает прямого основания открытые на Артезианском городище жертвенники для либаций связывать конкретно с фракийским влиянием.

Напоследок хочется добавить и следующие факты и наблюдения. Древнеэллиническому миру достаточно известен элевсинский обряд возлияния. Ножка амфоры вполне могла являться фаллическим символом. Сама глина гончарная воспринималась в античном мире как исходный материал для творения человека. Амфоры – их верх и низ – могли восприниматься как соединение хтонического и уранического начал. При жертвоприношениях приняты были жертвы бескровные и кровавые, при этом возлияния являлись неперменной частью жертвоприношений. И потом само потребление вина стало ритуалом. Вино нередко замещало кровь, им поливали даже места кремаций умерших. Не случайно Нонн Панополитанский (Nonn. IX. 93–94; XII. 203) заметил: «Крови ручей как вестник свершившегося приношения на алтаре <...> прообраз далекий возлияния вином».

Винодельни могли восприниматься как места обитания божества и даже его олицетворения (?). Даже обнаруживаемые керамические «грузила» могли быть связаны с культовыми возлияниями.

На Боспоре была замечена склонность хранить импортную винную тару. Лишь в конце IV – начале III в. до н.э. появились собственно боспорские амфоры для вина, причем расширение собственного винопроизводства наблюдалось на Боспоре поначалу именно на рубеже IV–III вв. до н.э., а потом в первые века н.э. То есть открытые на Артезианском городище жертвенники относятся ко временам винного изобилия на Боспоре.

Возлияния античных эллинов начинались обычно в честь Гестии или доброго демона, затем в честь Зевса Олимпийского и других богов (и Диониса), потом – героев и в конце – Зевса Спасителя.

Античный мир нуждался в изобилии вина. Так, Полиэн в своих «Стратегемах» (III. 10. 10) отмечал, что котила вина (0,274 л) служила минимальной нормой воина. Спартиаты на своих сисситиях потребляли нормативно 0,867 л вина и даже однажды осажденные на о. Сфактерия по договору с афинянами получали все же извне по 0,769 л. По мнению Н.И. Сокольского, в армии боспорского царя Сати-

⁵⁹ Латышев 1997, 89.

⁶⁰ Крыкин 2015, 57–66.

ра, куда входили многочисленные наемники (и фракийские пельтасты в их числе) в нормах потребления зерна, вина, соли и т.д. располагали ежедневно 700–800 г вина. По М. Порцию Катону (Сато. 57), рабы получали в день 0,72–0,636 л вина, даже в строгости – одну-две котилы (0,274–0,547 л), а в праздники Сатурналии и Компиталии вообще до 3,28 л. Усредненный рабский винный паек составлял в итоге 0,6778 л. Между тем Полибий (VI. 39) утверждал, что столько же получали и воины. Офицеры получали винный паек в большем объеме: так, известно, что один римский трибун получал 20 порций солдата или раба – 5,247 л вина, а другой даже 5,47 л. Что касается римских императоров, то Александр Север из предлагавшихся 16,41 л выпивал лишь шестую часть – 3,28 л. Аврелиану полагалось в день 21,89 л вина. Скромный Август за обедом выпивал 0,55 л, а аскетичный Тацит вообще в день те же 0,55 л, а то и 0,23 л.

Таким образом, античные граждане потребляли в день 0,68/0,87 – 3,28/5,47 л вина. Видимо, еще вполне хватало вина для жертвенных возлияний. На городище Артезиан, где для изготовления жертвенников из амфор использовалась чужая, вторично использованная тара, изобилие местного вина позволяло осуществлять щедрые возлияния любого вина, тем более нормативно снабжавшегося всем необходимым по понятиям античного времени наемника.

Археологические данные показывают, что практика либаций была распространена как на Боспоре, так и во Фракии. Однако особенности конструкции жертвенников показывают, что они имели оригинальное устройство в каждом регионе, и их развитие не было взаимообусловлено (взаимосвязано). Тем не менее в основе жертвенных хтонических возлияний, широко распространенных в Причерноморье и Средиземноморье, лежали сходные религиозные представления, связанные с почитанием фракийцами и боспорянами богов и героев, а также проведением обрядов возлияний и «кормлений» теней умерших близких и родственников. Не приходится также сомневаться в том, что практика возлияний могла находиться в определенной взаимосвязи с совершением сожжений и культом огня.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2012: Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан. *ВДИ* 3, 93–146
- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2014: Хронологические индикаторы и проблемы интерпретации слоя боспоро-римской войны городища Артезиан. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии*. (БЧ XV). Керчь, 5–16.
- Андреев, В.В. 1994: *Дионис и прадионисийство*. М.
- Андреев, Ю.В. 1998: *Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации*. СПб.
- Бартошек, А. 1961: *Златообильные Микены*. М.
- Бобчев, С.Н. 1961: Смесенатазидария в римските и ранновизантий скитестроежи. *Известия на Археологическия институт*. XXIV, 154–202.
- Бурмов, А. (ред.) 1958: *Латински извори за българската история*. Т. II. (Извори за Българската история). София.

- Буйских, С.Б. 1991: *Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры)*. Киев.
- Виноградов, Ю.А. 1992: Мирмекий. В кн.: В.Д. Кузнецов, А.А. Масленников, О.Н. Усачева и др. (ред.), *Очерки археологии и истории Боспора*. М., 99–119.
- Винокуров, Н.И. 2004: Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан. *ДБ* 7, 79–88.
- Винокуров, Н.И. 2005: Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в периодантичности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф*. (БЧ VI). Керчь, 50–60.
- Винокуров, Н.И. 2007а: Во всем ли виноваты варвары? *PARA BELLUM* 28, 17–56.
- Винокуров, Н.И. 2007б: Находки культовых предметов в слое пожара первой половины I в. до н.э. в боспорской крепости Артезиан. В сб.: М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев и др. (ред.), *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции*. Ч. 1. СПб, 190–199.
- Винокуров, Н.И. 2008: Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria*. (БЧ IX). Керчь, 67–77.
- Винокуров, Н.И. 2009: Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье. *PARA BELLUM* 31, 9–16.
- Винокуров, Н.И. 2010а: Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.). В сб.: Р.М. Мунчаев, Д. Браунд и др. (ред.), *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки*. I. М.–Киев, 38–44.
- Винокуров, Н.И. 2010б: Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 году. *ДБ* 14, 46–65.
- Винокуров, Н.И. 2012: *Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011)*. Тюбинген.
- Винокуров, Н.И. 2013: Городище Артезиан во второй половине I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. *Российский научный журнал* 1 (32), 30–40.
- Винокуров, Н.И. 2014: Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан. *Таврические студии. Исторические науки* 6, 98–105.
- Винокуров, Н.И., Крыкин, С.М. 2017: Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э. *ПИФК* 4, 170–194.
- Георгиева, Р.1991: Обреднями в Тракия (края на II–I хил. пр. н.э.). *Археология* 1, 1–11.
- Георгиева, Р. 1999а: Обреднями в Тракия (края на II–I хил. пр. н. э.) В кн.: Р. Георгиева, Т. Спиридонов, М. Рехо (ред.), *Этнология на траките*. София, 165–183.
- Георгиева, Р. 1999б: Погребението (края на II–I хил. пр. н.э.). В кн.: Р. Георгиева, Т. Спиридонов, М. Рехо (ред.), *Этнология на траките*. София, 216–232.
- Георгиева, Р. 1999в: Поменални практики (края на II–I хил. пр. н. э.). В кн.: Р. Георгиева, Т. Спиридонов, М. Рехо (ред.), *Этнология на траките*. София, 233–241.
- Домарадски, М.1977: Произход и хронология на зооморфни текултови фигурки в Тракия през I хил. пр. н. э. *Thracia Antiqua* 2, 95–100.
- Дремсизова-Нелчинова, Цв., Слокоска, Л. 1978: *Археологически паметници от Кюстендилски окръг*. София.
- Зайцев, Ю.П. 1997: Южный дворец Неаполя Скифского. *ВДИ* 3, 36–50.
- Захариев, Й. 1963: *Кюстендилска котловина (географско-етнографскоизследване)*. София.
- Зеест, И.Б. 1961: *Керамическая тара Боспора*. (МИА 33). М.
- Иванов, Й. 1906: Северна Македония, исторически изследвания. София.
- Карышковский, П.О., Клейман, И.Б. 1985: *Древний город Тира*. Киев.

- Кастанаян, Е.Г. 1950: Обряд тризны в боспорских курганах. *СА* 14, 124–138.
- Клейман, И.Б., Сон, Н. А. 1983: *Западнопонтийские и провинциально-римские культурно-экономические связи Тире*. В сб.: В.П. Ванчугов, Г.А. Дзис-Райко (ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Киев 47–59.
- Козуб, Ю.И. 1976: Древнейший культовый комплекс Ольвии. В сб.: *Художественная культура и археология античного мира*. М., 124–130.
- Крапивина, В. В. 1984: К вопросу о застройке Ольвии во II–III вв. В сб.: С.Д. Крыжицкий (ред.), *Античная культура Северного Причерноморья*. Киев, 201–210.
- Крыкин, С. М. 1991: Позднеантичное и ранневизантийское «Градиште» у с. Долна Граштица близ Кюстендила. В сб.: *Болгаристика в системе общественных наук. II Все-союзная конференция по болгаристике. Тезисы докладов*. Харьков, 24–25.
- Крыкин, С.М. 1993: *Фракийцы в античных городах Северного Причерноморья*. М.
- Крыкин, С.М. 2000: Долна Граштица-90: фракийские очаги и жертвенники. *Этнографическое обозрение* 1, 81–87.
- Крыкин, С.М. 2010: Реликты духовной культуры автохтонов Восточных Балкан. *Вестник МГПУ* 2 (6), 61–71.
- Крыкин, С.М. 2015: Терракотовые «фракийские всадники» на Боспоре. *Вестник МГПУ* 2 (18), 57–66.
- Кузьмина, Е. Е. 1994: *Откуда пришли индоарии?* М.
- Латышев, В.В. 1997: *Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности*. СПб.
- Ловчев, В.А. 1999: Психоактивные вещества в культуре Греции гомеровского периода. *Античность: события и исследователи*. Казань, 27–38.
- Лордкипанидзе, О.Д. 1978: *Город-храм Колхиды*. М.
- Любенова, В. 1985: Антична зооморфна пластика от окръжния музей – Перник. В сб.: М. Тачева (ред.), *Terra Antiqua Balcanica* 2. (Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. LXXVII, 2). София, 260–273.
- Масленников, А.А. 1992: Зенонов Херсонес – городок на Меотиде. В кн.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Очерки археологии и истории Боспора*. М., 120–173.
- Милошевић, Г. 1987: Ранновизантијска архитектура на Светињи у Костолацу. *Старинар*. XXXVIII. Београд.
- Милчев, Ат. 1960: Археологически разкопки и проучвания в долината на Средна Струма. *Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет*. LIII. 1. 1959. София, 358–463.
- Найденова, В. 1985: *Римската вила в с. Кралев дол, Пернишкиокръг*. (Разкопки и проучвания XIV). София.
- Николов, Д. 1984: *Тракийската вила при Чаталка, Старозагорско*. (Разкопки и проучвания XI). София, 5–73.
- Русанова, И.П., Тимошук, Б.А. 1993: *Языческие святилища древних славян*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 1997: Природные катастрофы и явления в идеологии Митридата Евпатора. *ВДИ* 3, 85–92.
- Сапрыкин, С.Ю., Винокуров, Н.И., Белоусов, А.В. 2014: Городище Артезиан в Восточном Крыму (Его жители и культы). *ВДИ* 3, 134–162.
- Сафронов, В.А. 1989: *Индоевропейские прародины*. Горький.
- Секерская, Н.М. 1989: *Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н. э.* Киев.
- Селищев, А.М. 1929: *Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки Северо-Западной Македонии*. София.
- Сон, Н.А. 1993: *Тира римского времени*. Киев.
- Тахо-Годи, А.А. 1987: *Гестия*. В кн.: С.А. Токарев (ред.), *Мифы народов мира*. I. М., 299.
- Теодоров, Е. 1972: *Древнотракийско наследство в българския фолклор*. София.
- Фол, А. 1990: *Политика и культура в древна Тракия*. София.

- Фрэзер, Д.Д. 1986: *Фольклор в Ветхом Завете*. М.
- Шифман, И.Ш. 1987: *Культура древнего Угарита (XIV–XIII вв.)*. М.
- Штаерман, Е.М. Веста. В кн.: С.А. Токарев (ред.), *Мифы народов мира*. I. М., 234.
- Чичикова, М. 1975: *Жертвенники эллинистической эпохи во Фракии*. В сб.: В. Велков, Ф. Фол (ред.), *Studia Thracica I: Фрако-скифские культурные связи*. София, 180–195.
- Abramzon, M.G., Treister, M.Y., Vinokurov, N.I. 2012: Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian. *ACSS* 18. 2, 207–278.
- Krapivina, V. 1994: Olbia in the Roman Period. In: G. Susini (ed.), *Limes. Studi di storia* 5. Bologna, 190–195.
- Meeks, D. 1993: La production de l'huile et du vin dans l'Egypte pharaonique. In: M.C. Amouretti, J.P. Brun (ed.), *La production de vin et de l'huile en Méditerranée*. Athens, 3–38.
- Mikhailov, St., Sestriiska, M., 1981: *The Old School in Kiyastendil. Materials from archaeological excavations*. Sofia.
- Sultov, B. 1985: Ceramic production on the territory of Nicopolis ad Istrum (IInd–IVth c.). *Terra Antiqua Balcanica* 1. (Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. LXXVI, 2. 1983). София.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Treister, M.Y., Vinokurov, N.I. 2012: Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian. *ACSS* 18.2, 207–278.
- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2012: Dva klada monet i yuvelirnykh izdeliy vremeni rimsko-bosporskoy voyny 45–49 gg. s gorodishcha Artezian [Two hoards of coins and jewelry dating back to the Roman-Bosporan war of 45–49 from the settlement of Artezian]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 93–146.
- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2014: Khronologicheskie indicatory i problem interpretatsii sloya bosporo-rimskoy voyny gorodishcha Artezian [Chronological indicators and problems of interpretation of the Bosporan-Roman war layer of the Artezian settlement]. In: V.N. Zinko, E.A. Zinko (eds.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nye problem khronologii. XV Bospor Readings. Cimmerian Bosporus and barbaric world in antiquity and the Middle Ages. Topical issues of chronology*. (XV Bosporskie chteniya). Kerch, 5–16.
- Andreev, V.V. 1994: *Dionis i pradionisiystvo [Dionisus and pra-Dionism]*. Moscow.
- Andreev, Yu.V. 1998: *Tsena svobody i garmonii. Neskol'ko shtrichov k portretu grecheskoy tsivilizatsii [The price of freedom and harmony. A few touches to the portrait of Greek civilization]*. Saint Petersburg.
- Bartonek, A. 1961: *Zlatoobilnye Mikeny [Gold-domed Mycenae]*. Moscow.
- Bobshev, S.N. 1961: Smesenata zidaria v rimskite i rannovizantiyskite stroezhi. *Izvestiya na Archeologicheskiya institut* XXIV, 154–202.
- Burmov, A. (ed.) 1958: *Latinski izvori za b'lgarskata istoriya*. (Izvori za B'lgarskata istoriya). Vol. II. Sofiya.
- Buyskikh, Kh.S.B. 1991: *Fortifikatsiya Ol'viyskogo gosudarstva (pervye veka nashey ery) [Fortification of the Olbia state (1st centuries AD)]*. Kiev.
- Chichikova, M. 1975: Zhertvenniki ellinisticheskoy epokhi vo Frakii [Altars of the Hellenistic period in Thrace]. In: *Studia Thracica-1: Frako-skifskie kulturnye svyazi In: Studia [Thracica I: Thracian-Scythian Cultural Relations]*. Sofia, 180–195.
- Domaradski, M. 1977: Proizkhod i khronologiya na zoomorfnite kultovi figurki v Trakiya prez I khil. pr. n. e. *Thracia Antiqua* 2, 95–100.

- Dremsizova-Nelchinova, Tsv., Slokoska, L. 1978: *Arkheologicheski pametnici ot Kyustendilski okrug*. Sofia.
- Fol, A. 1990: *Politika i kultura v drevna Trakiya*. Sofia.
- Frazer, J.G. 1986: *Fol'klor v Vetkhom Zavete [Folklore in the Old Testament]*. Moscow.
- Georgieva, R. 1999c: Pomenalni praktiki (kraya na II–I khil. pr. n. e.). In: *Etnologiya na trakite*. Sofia, 233–241.
- Georgieva, R. 1991: Obredni yami v Trakiya (kraya na II–I khil. pr. n. e.). *Arkheologiya* 1. Sofia, 1–11.
- Georgieva, R. 1999a: Obredni yami v Trakiya (kraya na II–I khil. pr. n. e.). In: *Etnologiya na trakite*. Sofia, 165–183.
- Georgieva, R. 1999b: Pogrebenieto (kraya na II–I khil. pr. n. e.). In: *Etnologiya na trakite*. Sofia, 216–232.
- Ivanov, Y. *Severna Makedoniya, istoricheski izsledvaniya*. Sofia.
- Karyshkovskiy, P.O., Kleyman, I.B. 1985: *Drevniy gorod Tira [Ancient Tyras]*. Kiev.
- Kastanayan, E.G. 1950: *Obryad trizny v bosporskikh kurganakh [Funeral feast rituals in Bosporean barrows]*. *Sovetskaya Arkheologia [Soviet Archaeology]* 14, 124–138.
- Kleyman, I.B., Son, N.A. 1983: Zapadnopontiyskie i provintsial'no rimskie kulturno-ekonomicheskie svyazi Tiry [West Pontic and Provincial Cultural and Economic Relations of Tyras]. In: V.P. Vanchugov, G.A. Dzis-Rayko (eds.), *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomoriya [Materials on Archeology of the Northern Black Sea Region]*. Kiev, 47–59.
- Kozub, Yu.I. 1976: Drevneyshiy kul'tovyy kompleks Olvii [Olbia's oldest religious complex]. In: *Khudozhestvennaya kul'tura i arkheologiya antichnogo mira [Art culture and archaeology of Antiquity]*. Moscow, 124–130.
- Krapivina, V. 1994: Olbia in the Roman Period. In: G. Susini (ed.), *Limes. Studi di storia* 5, 190–195.
- Krapivina, V.V. 1984: *K voprosu o zastroyke Ol'vii vo II–III vv. [On the development of Olbia in the 2nd–3rd centuries]*. In: S.D. Kryzhickiy (ed.), *Antichnaya kultura Severnogo Prichernomoriya [Ancient culture of the Northern Black Sea Region]*. Kiev, 201–210.
- Krykin, S.M. 1991: *Pozdneantichnoye i rannevizantiysroye "Gradishte" u s. Dolna Grashititsa bliz Kyustendila [Late Antique and Early Byzantine „Gradishte“ near the village of Dolna Grastica near Kyustendil]*. In: *Bolgaristika v sisteme obshchestvennykh nauk. II Vsesoyuznaya konferentsiya po bolgaristike. Tezisy dokladov [Bulgaria in the system of social sciences. II All-Union Conference on Bulgarian Studies. Abstracts]*. Kharkov, 24–25.
- Krykin, S.M. 1993: *Frakiytsy v antichnykh gorodakh Severnogo Prichernomoriya [Thracians in the ancient cities of the northern Black Sea]*. Moscow.
- Krykin, S.M. 2000: *Dolna Grashititsa-90: frakiyskiye ochagi i zhertvenniki [Dolna Grashititsa-90: Thracian hearths and altars]*. *Etnograficheskoye obozreniye [Ethnographic Review]* 1, 81–87.
- Krykin, S.M. 2010: Relikty dukhovnoy kul'tury avtokhtonov Vostochnykh Balkan [Relics of spiritual culture of the autochthons of the Eastern Balkans]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta [Bulletin of Moscow State Pedagogical University]* 2(6), 61–71.
- Krykin, S.M. 2015: Terrakotovye «frakiyskie vsadniki» na Bospore [Terracotta “Thracian horsemen” on the Bosporus]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta [Bulletin of Moscow State Pedagogical University]* 2(18), 57–66.
- Kuzmina, E.E. 1994: *Otkuda prishli indoarii? [Where did the Indo-Aryans come from?]*. Moscow.
- Latyshev, V.V. 1997: *Ocherk grecheskikh drevnostey. Bogoslužebnye i stsenicheskie drevnosti. [Essay on Greek Antiquities. Liturgical and stage antiquities]*. Saint Petersburg.
- Lordkipanidze, O.D. 1978: *Gorod-khram Kolkhidy [Temple City of Colchis]*. Moscow.

- Lovchev, V.A. 1999: Psikhoaktivnye veshchestva v kul'ture Gretsii gomerosskogo perioda. In: *Antichnost': sobytiya i issledovately* [Psychoactive substances in the Greek culture of the Homer period. In: *Antiquity: Events and Researchers*]. Kazan, 27–38.
- Lyubanova, V. 1985: *Antichna zoomorfna plastika ot okruzniya muzey – Pernik*. In: *Terra Antiqua Balcanica 2* (Godishnik na Sofiyskiya universitet. Filosofsko-istoricheski fakultet. LXXVII, 2). Sofia, 260–273.
- Maslennikov, A.A. 1992: Zenonov Khersones – gorodok na Meotide [Zenon's Chersonesus – a town on the Meotis]. In: G.A. Koshelenko (ed.), *Ocherki arkheologii i istorii Bospora* [Essays on Archaeology and the History of the Bosphorus]. Moscow, 120–173.
- Meeks, D. 1993: La production de l'huile et du vin dans l'Égypte pharaonique. In: M.C. Amouretti, J.P. Brun (eds.), *La production de vin et de l'huile en Méditerranée*. Athens, 3–38.
- Mikhailov, St., Sestrimska, M. 1981: *The Old School in Kiyastendil. Materials from archaeological excavations*. Sofia.
- Milchev, A. 1960: *Arkheologicheski razkopki i prouchvaniya v dolinata na Sredna Struma*. Godishnik na Sofijskiya universitet. Filosofsko-istoricheski fakultet LIII, 1. 1959. – Sofia, 358–463.
- Miloshevich, G. 1987: Rannovizantiyska arhitektura na Svetin' u Kostolatsu. *Starinar XXXVIII*. Beograd.
- Naydenova, V. 1985: *Rimskata vila v s. Krlev dol, Pernishki okryg* (Razkopki i prouchvaniya XIV). Sofia.
- Nikolov, D. 1984: *Trakiyskata vila pri Chatalka, Starozagorsko* (Razkopki i prouchvaniya XI.) Sofia, 5–73.
- Rusanova, I.P., Timoshchuk, B.A. 1993: *Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan* [Pagan shrines of Ancient Slavs]. Moscow.
- Safronov, V.A. 1989: *Indoevropskie prarodiny* [Indo-European ancestral homes]. Gorki.
- Saprykin, S.Yu. 1997: *Prirodnye katastrofy i yavleniya v ideologii Mitridata Eupatora* [Natural disasters and phenomena in the ideology of Mithridates Eupator]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 85–92.
- Saprykin, S.Yu., Vinokurov, N.I., Belousov, A.V. 2014: *Gorodishche Artezian v Vostochnom Krymu (Ego zhiteli i kul'ty)* [Artezian settlement in East Crimea (its inhabitants and cults)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 134–62.
- Sekerskaya, N.M. 1989: *Antichnyy Nikoniy i ego okrug v VI–IV vv. do n. e.* [Ancient Nikonion and his environs in the 6th–4th centuries BC]. Kiev.
- Selishchev, A.M. 1929: *Polog i ego bolgarskoye naselenie. Istoricheskie, etnograficheskie i dialektologicheskie ocherki Severo-Zapadnoy Makedonii* [Polog and its Bulgarian population. Historical, ethnographic and dialectological essays of Northwest Macedonia]. Sofia.
- Shifman, I.Sh. 1987: *Kul'tura drevnego Ugarita (XIV–XIII vv.)* [Culture of Ancient Ugarit (14th–13th centuries BC)]. Moscow.
- Shtaerman, E.M. Vesta [Vesta]. In: S.A. Tokarev (ed.), *Mify narodov mira* [Myths of the world]. I. Moscow, 234.
- Son, N.A. 1993: *Tira rimskogo vremeni* [Tyras in the Roman times]. Kiev.
- Sultov, B. 1985: Ceramic production on the territory of Nicopolis ad Istrum (Ind – IVth). In: *Terra Antiqua Balkanica 1*. (Godishnik na Sofiyskiya universitet. Istoricheski fakultet. LXXVI, 2. 1983). Sofia.
- Takho-Godi, A.A. 1987: Gestia [Hestia]. In: S.A. Tokarev (ed.), *Mify narodov mira* [Myths of the world]. I. Moscow, 299.
- Teodorov, E. 1972: *Drevnotrakiysko nasledstvo v bylgarskiya folklor*. Sofia.
- Vinogradov, Yu.A. 1992: Mirmekiy [Myrmekion]. In: V.D. Kuznetsov et al. (eds.), *Ocherki arkheologii i istorii Bospora*. [Essays on Archaeology and the History of the Bosphorus]. Moscow, 99–119.

- Vinokurov, N.I. 2004: Plita s monogrammami i tamgoobraznymi znakami, naydennaya pri raskopkakh «Tsitadeli» gorodishcha Artezian [A slab of stone with monograms and tamga-shaped signs found during excavations of the “Citadel” of the ancient settlement of Artezian]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 7, 79–88.
- Vinokurov, N.I. 2005: Gibel’ ranney «Tsitadeli» gorodishcha Artezian [The death of the early “Citadel” of the Artesian settlement]. In: V.N. Zinko, E.A. Zinko (eds.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov’ a. Periody destabilizatsii i katastrof [Cimmerian Bosporus and the barbaric world in Antiquity and the Middle Ages. Times of instability and disaster]*. (VI Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 50–60.
- Vinokurov, N.I. 2007a: Vo vsyem li vinovaty varvary? [Are the barbarians to blame?]. *PARA BELLUM* 28, 17–56.
- Vinokurov, N.I. 2007b: Nakhodki kul’tovikh predmetov v sloe pozhara pervoy poloviny I v. do n.e. v bosporskoj kreposti Aptezian [Finds of cult related objects in the fire layer of the first half of the 1st century BC in the Bosporan fortress of Artezian]. In: M.Yu. Vakhtina, V.Yu. Zuev et al. (eds), *Bosporskiy fenomen: sakral’nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosporan phenomenon: the sacred meaning of the region, monuments, finds. Materials of the international academic conference]*. Pt. 1. Saint Petersburg, 190–199.
- Vinokurov, N.I. 2008: Voina, pozhar ili prirodnyaya katastrofa: arkheologicheskie kriterii otsenok posledstviy katastrof na pamyatnikakh antichnoy arkheologii v Krymskom Priazov’e [War, fire, or natural disaster: archaeological criteria for assessing the consequences of disasters at ancient archeology in the Crimean Azov Sea region]. In: V.N. Zin’ko, E.A. Zin’ko (eds.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov’ ya [Cimmerian Bosporus and the barbaric world in the Antiquity and the Middle Ages. Militaria]*. (IX Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 67–77.
- Vinokurov, N.I. 2009: Bosporo-rimskaya voyna 44/45–49 gg. i pervaya nakhodka gladiusa v Krymskom Priazov’e. [Roman-Bosporan War of 44/45–49 and the first gladius found in the Crimean Azov region]. *PARA BELLUM* 31, 9–16.
- Vinokurov, N.I. 2010a: Bosporo-rimskaya voyna 44/45–49 gg. i gibel’ ranney tsitadeli gorodishcha Artezian (po materialam raskopok 2004–2008 gg.) [Roman-Bosporan War AD 44/45–49 and the death of the early citadel of the Artezian settlement (based on excavations in 2004–2008)]. In: R.M. Munchaev, D. Braund et al. (eds), *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor’ ya. Noveyshie otkrytiya i nakhodki [ΣΥΜΒΟΛΑ. The ancient world of the Northern Black Sea region. Recent discoveries and finds]*. I. Moscow–Kiev, 38–44.
- Vinokurov, N.I. 2010b: Novye nakhodki vremeni nachala bosporo-rimskoy voyny na gorodishche Artezian v Krymskom Priazov’e v 2009 godu [Recent finds of 2009 on the Artezian settlement in the Crimean Azov region dating to the beginning of the Roman-Bosporan War]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 14, 46–65.
- Vinokurov, N.I. 2012: *Arkheologicheskie pamyatniki v Krymskom Priazov’e (po materialam AAE 1988–2011) [Archaeological sites in the Crimean Azov region (discoveries of the Artezian Archaeological Mission in 1988–2011)]*. Tübingen.
- Vinokurov, N.I. 2013: Gorodishche Artezian vo vtoroy polovine I v. do n.e.– pervoy poloviny I v. n.e. [Artezian settlement in the second half of the 1st century BC – first half of the 1st century AD]. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal [Russian Scientific Journal]*. 1 (32), 30–40.
- Vinokurov, N.I. 2014: Raskopki pomeshcheniya 10 (2009, 2011, 2013 gg.) ranney tsitadeli gorodishcha Artezian [Excavations of rooms 10 (2009, 2011, 2013) of the early citadel of Artezian settlement]. *Tavrisheskie studii. Istoricheskie nauki [Tauric Studies. Historical Sciences]* 6, 98–105.
- Vinokurov, N.I., Krykin, S.M. 2017: Rimskaya politika v Severnom i Severo-Zapadnom Prichernomor’e v seredine I v.n.e. [Roman policy in the North and Northwest Black Sea

-
- region in the mid-1st century AD]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 4, 170–194.
- Zakhariev, Y. 1963: *Kyustendilska kotlovina (geografsko-etnografsko izsledvane)*. Sofia.
- Zaytsev, Yu.P. 1997: Yuzhnyy dvorets Neapolya Skifskogo. *Southern Palace of Scythian Neapolis. Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 36–50.
- Zeest, I.B. 1961: *Keramicheskaya tara Bospora* [*Bosporan pottery*]. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and research on archeology of the USSR] 33). Moscow.

ALTARS FOR LIBATIONS TO THE CHTHONIC DEITIES FROM THRACIA AND THE BOSPORUS: THE COMMON AND THE UNIQUE

Nikolai I. Vinokurov¹, Sergei M. Krykin²

¹*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia*

vinokurov@list.ru

²*Independent researcher, Moscow, Russia*

smkrykin@mail.ru

Abstract. Uncommon altars were discovered on the western borders of the ancient Bosphorus. Libations are the bloodless offerings to the deities both of the earth and the subterranean. The huge quantity of wine was a part of this custom. The ancient population drank a lot of wine, even slaves. Mercenaries' wages include also the wine. The altars in Artesian were probably built by such warriors. The search of possible analogies led to western Thrace, where same altars for the libations were constructed in the Roman period. Probably, they were built by the descendants of the indigenous population of those lands, the representatives of Thracian tribes. Most likely, Artesian (Parosta?) appeared at the place of the military settlement of hired warriors and their descendants. The altars refer to the times, when the Thracians, as special kind of infantry, were presented as a part of the population. It's possible to think about Thracian influence, but it isn't more than hypothesis. The sacrificial wine might have been local. At the time of building altars in the Bosphorus, a lot of cheap wine was produced here.

Keywords: Thrace, Bosphorus, altars, libations
